

Георгий Иванович Шкляревский: История русского литературного языка (советский период), Харьков 1973, 118 с.

Книга советского русиста Г. И. Шкляревского представляет собой цикл лекций, охватывающий темы курса истории русского литературного языка последних десятилетий предоктябрьской эпохи и советского времени. Настоящему труду предшествовали другие работы. Из области истории русского литературного языка у нас прежде всего известны: „*Введение в историю русского литературного языка*“ (Харьков 1959, 65 с.) и „*История русского литературного языка — вторая половина 18—19 вв.*“ (Харьков 1967, 198 с.).

Рецензируемая работа является полезным учебным пособием. В нем описывается история языка в связи с историей КПСС, с деятельностью В. И. Ленина и с историей СССР вообще. Книга насыщена множеством хронологических, статистических и прочих экстралингвистических данных.

Состоит она из семи глав.

Первая глава („*Роль марксистской публицистики, трудов В. И. Ленина и партийных документов в развитии русского языка в предоктябрьский период и советскую эпоху*“, с. 4—17) обращает внимание на существенные сдвиги в системе литературного языка, касающиеся области лексики и фразеологии. Они были вызваны возрастающим значением публицистики в половине 19 века и, главным образом, в период возникновения марксистской партии и ее печати (т. е. в конце 19 и в начале 20 вв.). В это время складываются и получают широкое распространение основные группы общественно-политической и публицистической лексики. Важнейшую роль в развитии языка и стиля политической литературы сыграл В. И. Ленин.

Важной вехой в истории русского языка является Великая Октябрьская социалистическая революция. Она явилась и революцией в народном образовании (вторая глава „*Значение Великой Октябрьской социалистической революции в истории русского литературного языка*“, с. 18—35). Советская власть с самого начала вела острую борьбу за устранение неграмотности. Исходя из статистических данных 1970 г., можно сказать, что неграмотность в СССР была полностью ликвидирована. В этой главе подчеркивается значение ленинской национальной политики, которая, с одной стороны, обусловила расцвет национальных культур и языков, а с другой стороны, дала возможность всем народам СССР изучать русский язык, являющийся в условиях многонационального государства средством связи и общения между народами. На типичных примерах Ш. показывает, как лексика новых советских реалий повлияла на языки остальных народов СССР. Воздействия встречаются также в грамматике (главным образом в области словообразования и синтаксиса), отчасти также в фонетике. В самом конце настоящей главы Ш. обращает внимание на то, что и языки народов СССР в свое время повлияли, в свою очередь, на русский язык (широко представлены заимствования, напр., из тюркских языков).

В третьей главе („*Борьба М. Горького и советской общественности за чистоту, правильность и выразительность русского литературного языка социалистической эпохи*“, с. 36—45) говорится о борьбе Горького за культуру речи советского времени. Горький считает язык не только средством общения, но также и орудием идеологической борьбы. Писателей, в языке и стиле которых проявились недостатки, он подверг серьезной критике. Источниками, из которых писатели должны черпать материал для развития и обогащения языка, являются, по Горькому, народное творчество, живая разговорная речь и особенно же классическая русская литература.

Изменениями в лексике и фразеологии литературного языка после победоносного завершения Октябрьской революции занимается четвертая глава („*Основные изменения в лексике и фразеологии литературного языка*“, с. 46—74). Революция перевела сотни слов из активного в пассивное словоупотребление (напр. *государь, граф, барон, сидел, ведомство, кадетский корпус*...), с другой стороны, появились некоторые лексические средства, не прижившиеся прочно и вышедшие впоследствии из употребления (неологизмы, вроде: *синемауаник, иабач, напман*...). Гораздо активнее претерпел процесс пополнения словарного состава языка лексическими новообразованиями Ш. перечисляет все имевшиеся в данный период лексические словообразовательные средства. Все типы демонстрируются на рядах примеров.

В первые десятилетия после революции расширили в определенной мере словарный состав просторечные слова и диалектизмы (напр. *новосел, рыбака, буганка, учеба*...) и профессионализмы (напр. *правка, заземлить, спайка, смычка*...). С 30-ых

гг. начинают появляться в языке заимствования (напр. *концерт, стенд, танкер, коктейль*...). В период 40-ых — начала 50-ых гг. отношение к заимствованиям своеобразно: с одной стороны, временно употребляются в связи с всенародной борьбой против фашистских захватчиков немецкие слова (напр. *фюрер, мессершмидт, юнкер, гестапо* и др.), с другой стороны, делаются попытки заменить ряд технических и научных терминов русскими выражениями (напр. *бульдозер — тракторный отвал, скрепер — тракторная лопата*...); из-за громоздкости большинство этих составных наименований не укрепились. С середины 50-ых гг. проявляется опять тенденция к интернационализации словарного состава.

В послеоктябрьской период произошли также семантические изменения внутри существующего лексического состава. Новое значение возникло, например, у слов: *бригадир, секретарь, палата, указ*... Общественные отношения породили семантические неологизмы типа: *ясли, бюлетень, грамотный, идейный*... Выражения, значения которых видоизменились, образовались или путем метафоризации, или на основе наполнения отвлеченных терминов общественно-политическим содержанием.

Социальные преобразования общества вызвали разнообразные стилистические перемещения в лексике. Им Ш. выделяет два периода: 1. 20—40-ые гг. (интенсивный процесс стилистического окрашивания и стилистической дифференциации) и 2. 40-ые гг. до настоящего времени (процесс стилистической нейтрализации).

Наступившие отношения отразились также во фразеологии. К наиболее характерным Ш. относит: уход в пассивный речевой фонд ф-ов, семантика которых перестает быть необходимой для выполнения языком коммуникативной функции (напр. *Государственная дума, губернский предводитель, земская управа*...), образование новых ф-ов (напр. *пятилетний план, Верховный Совет, социалистическое соревнование*...) и пополнение фразеологического состава за счет заимствований и „интернационального“ фразеологического материала путем калькирования (напр. *Всемирный Совет мира, Общий рынок, холодная война*...). Приведенные автором выражения являются на самом деле не фразеологизмами, а составные устойчивые наименования.

Пятая глава („Изменения в грамматическом строе и произносительных нормах“, с. 75—88), состоит из трех разделов.

В 1-ом разделе („Морфологическая система“, с. 75—80) описываются сдвиги в морфологическом строе русского языка. Среди наиболее существенных явлений следует в первую очередь отметить стремление к аналитизму. Оно проявляется: в формировании особого подкласса имен существительных общего рода (напр. *врач, автор, инженер*...), в увеличивающейся роли несклоняемых существительных (напр. *кино, фото, метро, ателье*...), в образовании т. наз. аналитических прилагательных (напр. *платье беж, костюм хаки, коми язык*...). Наряду с тем наблюдаются и некоторые изменения морфологических норм различных грамматических категорий в особенности: употребление форм мн. числа у отвлеченных существительных с суф. *-ость* (напр. *мощности, емкости, вредности*); в разговорной речи встречаются формы типа: *чашка чая, сто грамм, носок, помидор, апельсин*; в им. пад. мн. числа нарастают формы: *редактора, кондуктора*; устраняется двуединство глаголов посредством префиксации (напр. *асфальтировать — несов. вид, заасфальтировать — сов. вид*) и суффиксации (напр. *атаковать — сов. вид, атакуют — несов. вид*).

Процессы, протекающие в синтаксисе современного русского языка (2-ой раздел „Синтаксис“, с. 80—85), сводятся Ш-им к следующим выводам: 1. обшелитературный язык пополняется различными элементами разговорной речи; 2. конструкции разговорной речи переходят в обшелитературное употребление через фильтр языка художественной литературы и публицистики; 3. миграция разговорных конструкций в литературный язык приводит к обогащению синтаксической системы, к расширению синонимических возможностей синтаксиса. Одно из видных мест среди процессов характеризующих основное направление в развитии языка советской эпохи, занимает так называемая сегментация высказываний. Этим термином Ш. называет формирование двучленных синтаксических построений. Обе части объединяют личные, относительные и указательные местоимения или указательные наречия (напр. *Морская вода, что мы о ней знаем?*). Близок сегментации прием парцелляции, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые точкой (напр. *И вот наступил последний предстартовый день. Ясный, солнечный, тихий*).

В советский период произошли также сдвиги в литературной орфоэпии и, следовательно, в фонетической системе языка (3-ий раздел „Изменения в произносительных

нормах", с. 85—88). В данном разделе перечисляются изменения, типичные для середины 20 века и действующие поныне (распространение иньяна на смену яньяна, нарушение законов позиционной мягкости согласных, появление мягких заднеязычных фонем перед гласными непереднего ряда и др.).

Шестая глава („Словари советской эпохи“, с. 89—104) посвящена советской лексикографии (автор настоящей главы — Л. А. Быкова). Ее важнейшим достижением являются толковые словари, родоначальником которых считается четырехтомный „Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова“ (1935—1940 гг.). Его непосредственным продолжением является четырехтомный „Словарь русского языка Академии наук“ (1957—1961 гг.). Настоящий словарь был составлен С. Г. Бархударовым с коллективом сотрудников. Лексика в нем значительно пополнилась новыми словами и, наоборот, устаревшие и ставшие малоизвестными слова не перешли в новый словарь. Некоторые определения, данные в СУ, в нем уточнены (ср. слово „партийность“). Далее дается характеристика однотомного „Словаря русского языка“, составленного группой ученых, возглавляемых С. И. Ожеговым. За период с 1949 по 1972 г. он издавался 9 раз (с существенными изменениями и значительными добавлениями). Составители старались отметить новые значения, пересмотреть и уточнить ряд ушаковских определений (ср. термин „фашизм“). Завершением существующих лексикографических коллективных усилий явился 17-томный „Академический словарь современного русского литературного языка“, выходящий с 1948 по 1965 г. (редакторы: В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин). Указанный словарь был задуман как толково-нормативно-исторический. Произведение содержит просторечные, областные и провинциальные слова, далек лексике фольклора и терминологию из различных областей. В 1971 г. сотрудники Словарного сектора Института русского языка АН СССР под руководством Н. В. Котеловой и Ю. С. Сорокина издали произведение „Новые слова и значения“. Справочник регистрирует новые слова, фразеологизмы и новые значения слов.

В седьмой и последней главе настоящей работы („Мировое значение русского языка“, с. 105—114) подчеркивается интерес к русскому языку, возникший после победы Октябрьской революции и, главным образом, после разгрома гитлеровской коалиции во второй мировой войне и блестящие достижения советской науки и культуры. Русский язык стал важнейшим источником, откуда обновляется и обогащается интернациональная лексика (напр. *совет, совхоз, колхоз, спутник*). В весьма ограниченной мере наблюдается некоторое влияние русского языка и в области грамматического строя (напр. в болгарском языке под влиянием русского появляется суф. *-ир* в глаголах иноязычного происхождения: *адресирам, редактирам*; под влиянием русского языка болгарский обогащается действительными причастиями настоящего времени: *поисци, гледаци, четяци*). К книге приложен довольно обширный список цитируемой литературы („Цитируемая литература“, с. 114—118).

В целом рецензируемый труд заслуживает положительную оценку в качестве краткого справочника по истории русского языка с начала 20 века по настоящее время. Непонятным, пожалуй, остается, почему совсем нетронутой осталась область орфографии, в которой, как известно, произошли также изменения. Первые три главы посвящены слишком подробному описанию политической и культурной обстановки перед революцией и первых десятилетий советской эпохи. Этим вопросам достаточно было бы, на наш взгляд, отвести только первую главу в качестве введения в описываемую проблематику. Автор разбирается в вопросах, касающихся русского языка и азбучных языков в пределах СССР. К сожалению, латинский шрифт (возможно по вине типографии) изобилует ошибками и опечатками (см. с. 112); это касается не только чешских и словацких примеров, но отчасти также и польских, итальянских, немецких и др. Имея в виду, что настоящая книга должна служить учебником, она является внутри малообзорной, совсем без подзаголовков, без типографического различения названий отдельных абзацев (это недостаток многочисленных публикаций данного типа). В заключении можно сказать, что для тех, кто интересуется вопросами развития русского языка, рецензируемое пособие разъясняет обстановку, связанную с формированием изменений в языке советского периода.